

Почему Прокофьев вернулся в СССР?

Н.П. Савкина

В 2003 году Н.П.Савкина предложила собственную версию, объясняющую причину возвращения С.С.Прокофьева в СССР. По этой версии сигналы *против* возвращения — известия о репрессиях — помогла проигнорировать захватившая композитора в 1924 году Христианская наука (Christian Science). Согласно этому вероучению зло — это заблуждение смертного разума, оно бессильно.

Идея не была подсказана биографическими материалами композитора, а родилась в результате изучения собственно Christian Science.

Эта версия была впервые обнаружена 8 февраля 2003 года в докладе, прочитанном в Манчестере (Объединенное Королевство) на конференции в рамках фестиваля “Prokofiev 2003”. В статье о конференции обозреватель “Three Oranges Journal” К. Хибберд отметил своеобразие идеи, назвав ее “very personal hypothesis” и подчеркнув ее независимость от документальных прокофьевских источников. — Three Oranges Journal, № 5, June 2003, p.16.

Статья о роли Христианской науки в жизни и творчестве композитора была опубликована автором в 2005 году: Natalia Savkina. The significance of Christian Science in Prokofiev`s life and work. Three Oranges Journal, № 10, November 2005, p. 20 – 23. В 2007 году расширенный вариант статьи был издан по-русски: Христианская наука в жизни С.С. Прокофьева – в сб. Научные чтения памяти А.И. Кандинского: материалы научной конференции. Научные труды МГК. 2007, с. 241 – 257.

Приводимые фрагменты из обеих публикаций посвящены роли, которую сыграла Христианская наука в решении Прокофьева вернуться.

Из статьи “The significance of Christian Science in Prokofiev`s life and work” // Three Oranges Journal (United Kingdom), 2005, № 10:

But let us now return to Paris in the late 1920s, when Prokofiev writes a Diary entry on 19 December 1928: “I thought about Russia and felt terribly drawn there. The devil knows why I`m here and not there, where I`m wanted and where it`s far more interesting for me.”[47] Prokofiev was lured by the attractions of a Communist utopia. He felt the connection between the ideals of Christianity and the principles of Communism in the energy of creativity and the declarations of social equality. Thomas Graham said: “They are building in the name of an ideal, a divine ideal, although interpreted in a material sense.”[48] Of course, there were dozens of other reasons to return – from unavoidable nostalgia to the rivalry with Stravinsky and Rakhmaninov, so beloved of his biographers, from the 1929 economic crisis to a longing for a place where one is loved and understood. The promises of rulers, the enthusiasm of audiences, the status of being the leading composer in the land...

However, whatever other reasons there may have been for Prokofiev to return, there was always one against, which cancelled out all the others. Prokofiev knew about the Terror and the mass liquidations. The composer himself attempted to rescue his own relations from prison. Loving life and its pleasures as he did, how could he return? Why was he not afraid?

I suggest an explanation which stems from Prokofiev`s world and religious views.[49]According to Christian Science, evil is an error, a delusion of mortal reasoning. He gave much thought to this. God created the world beautiful. “What is evil? An attempt to prove whether it is possible to create the world in some other way. It is natural that any attempt to create any other world, a world of evil or the finite, is like an instant in infinity and will be forgotten.”[50] Prokofiev was not afraid, he despised any argument “against” because he wanted to believe that, in accordance with Christian Science belief, “evil is unreal”. “Everything good or worthy, God made. Whatever is valueless or baneful,He did not make – hence, its unreality”.[51] When thoughts are directed towards good, evil vanishes. “Love negates evil.”

Overcoming his critical attitude to the world, Christian Science taught the composer not to be afraid. He felt himself protected by the armour of God, armed with genuine knowledge and genuine faith. When Asafiev heard from Prokofiev of Christian Science, he observed (1928): “One has to believe that evil is unreal, and that is difficult, at least at present”.^[52] In an entry in the *Diary* (December 1932) about a conversation with Demchinsky, Prokofiev turned an argument about music into a discussion about fundamental views: “He [Demchinsky] attempts to attack courage and joy [...]. What is this calm of mine – my health, my confidence, my very identity based on? I said ‘On my dependence on God’.”^[53] Any signal that warned against a return to the USSR, was defeated by his indestructible optimism and the conviction, based on Christian Science, that evil is powerless. “As long as man has a clear recognition that he is a reflection of God, the howl of the mob cannot frighten him”.^[54] In this Prokofiev was mistaken.

It seems to me that the principal difference between Prokofiev and Shostakovich lay in their divergent views on life. For Shostakovich the world genuinely was based in evil. Suffering from his awareness of this, the hero fights, using every scrap of strength, raising himself to heights to accomplish this act of sacrifice. Prokofiev’s heroes also perish, but death, suffering and evil are merely the traces of sombre colour in the shining palette of his world view. The composer constructed his own picture of the world and this world was not based in evil. It was beautiful, good and full of light.

Whether we share Prokofiev’s religious views or not and whether we agree or not with the tenets of Christian Science, one must never forget that Prokofiev was a great genius, but only Man can be a genius.

(Translated from the Russian by Edward Morgan)

[47] Prokofiev, S., *Dnevnik 1907-1933* (Paris: sprkfv, 2002), Vol. 2, 658.

[48] *Ibid.*, Vol. 2, 800.

[49] I first mooted this idea in my paper “Prokofiev and Christian Science”, delivered on 8 February 2003 at the symposium “Prokofiev and 20th-Century Culture”, under the aegis of the Manchester Prokofiev 2003 Festival.

[50] Prokofiev, S., *Dnevnik 1907-1933* (Paris: sprkfv, 2002), Vol. 2, 574.

[51] Mary Baker Eddy *Science and Health with Key to the Scriptures*, (Boston, 1994), 525.

[52] Prokofiev, S., *Dnevnik 1907-1933* (Paris: sprkfv, 2002), Vol. 2, 640.

[53] *Ibid.*, Vol. 2, 817.

[54] *Ibid.*, Vol. 2, 670.

Из статьи «Христианская наука в жизни С.С.Прокофьева» // Научные чтения памяти А.И.Кандинского. Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского. Сб. 59. М, 2007. С. 254-256:

... Неожиданна роль, которую, как я предполагаю, сыграла Христианская наука в судьбе композитора. Речь идет о причине его возвращения в СССР.

Прокофьева прельстил соблазн коммунистической утопии. Родство между идеалами христианства и коммунистическими принципами он чувствовал в энергии созидания и декларациях социального равенства. Грэхем говорил о большевиках: “Строят и во имя идеала, идеала божеского, хотя и материально истолкованного”^[i]. Конечно, было еще множество причин за возвращение. От неизбежной ностальгии до любимого биографами соперничества со Стравинским и Рахманиновым, от экономического кризиса 1929 года до стремления туда,

где так любят и так понимают. Посулы вождей, энтузиазм театров, статус первого в стране композитора...

Однако, какие бы еще причины за возвращение Прокофьева ни добавлять, им всегда противостоит одна, но решительно зачеркивающая все за причина против. Прокофьев знал о терроре и массовых репрессиях. Композитор пытался вытащить из тюрьмы своих собственных родственников. Как мог он, так любящий жизнь и ее радости, вернуться? Почему он не боялся?

Автором настоящей статьи предложено объяснение, исходящее из мировоззрения Прокофьева и его религиозности[ii]. Зло, согласно Христианской науке – это ошибка, заблуждение смертного разума. Композитор много думал об этом, например: ”Божий мир сделан так, как он сделан, и сделать его иначе было нельзя. Что есть зло? Попытка проверить – нельзя ли создать мир иначе. ...Естественно, что попытка мира иного, мира зла, мира конечного, мелькнет как миг в бесконечности и забудется. Это, вероятно, одна из причин, по которой Christian Science считает зло нереальным”[iii].

Прокофьев не убоился, он пренебрег причиной “против”, так как хотел вслед за Христианской наукой верить, что зло нереально. “Все хорошее и ценное создал Бог. Все, что бесполезно или губительно, Он не создавал – следовательно, оно нереально”[iv]. Когда мысли обращены к добру, зло исчезает. Любовь отрицает, отвергает зло. (“Love negates evil”). Знакомые, жившие в СССР, этого не понимали. Асафьев, ознакомившись с лекцией по Христианской науке, заметил (1928 г.): “Надо поверить в то, что зло нереально, а это трудно, по крайней мере сразу”[v]. В дневниковой записи о разговоре с Демчинским (декабрь 1932 г.) Прокофьев не без умолчаний воспроизводит спор о музыке, переходящий в сферу мировоззренческую: “Он (Демчинский – Н.С.) пробует произвести атаку на бодрость и радость. ...На чем основано это спокойствие – на здоровье, на самоуверенности, на личном я? Я: на упоре в Бога”[vi].

Уничтожая критический аспект в отношении к миру, Христианская наука учила композитора не бояться. Он ощущал себя защищенным Божественной броней, вооруженным истинным знанием и истинной верой. Все сигналы, которые предостерегали его против возвращения в СССР, разбивались о его несокрушимый оптимизм и сформированное Христианской наукой убеждение в том, что зло бессильно. “...Поскольку человек ясно осознает, что он отражение Божье, ему не страшен людской лай, который направлен лишь на его материальное “я”, являющееся слабой тенью настоящего человека, отражающего Бога”.[vii] Дневниковая запись Прокофьева перекликается с М.Б.Эдди: “Всегда и во всем побеждайте зло добром. Познайте себя, и Бог даст вам и мудрость и случай для победы над злом. Облеченные в доспехи Любви, вы неуязвимы для людской ненависти”[viii].

Даже в 20-е годы, будучи чрезвычайно преданным приверженцем Христианской науки, композитор нарушал некоторые предустановления. Вряд ли когда-нибудь станет известно, сохранилось в той же мере, что прежде, или все-таки ослабело увлечение Христианской наукой в советский период, когда Прокофьев был лишен не только Церкви и общины, но, после расставания с Линой, единственного в СССР своего единомышленника. Однако материалы “бесцензурного” периода жизни говорят о его глубокой вовлеченности в верование, в котором он нашел нечто созвучное своему мирозерцанию.

Можно разделять религиозные взгляды композитора или считать их наивными, соглашаться с положениями Христианской науки или, подобно Марку Твену и Стефану Цвейгу, иронизировать над ними. Однако глубочайшего уважения заслуживает постоянная духовная работа композитора, его неустанное стремление к самосовершенствованию. Он сделал свой выбор и взял на себя ответственность за него.

[i] Прокофьев С.С. Дневник, sprkfv, т. 2, с. 800.

[ii] Впервые эта версия выдвинута мною в докладе “Прокофьев и Христианская наука”, прочитанном 8 февраля 2003 г. на конференции в рамках фестиваля, посвященного С.С.Прокофьеву (Манчестер, Великобритания). В виде статьи этот материал опубликован в журнале “Three Oranges”, november 2005, № 10.

[iii] Дневник, т. 2, с. 575.

[iv] “Наука и здоровье”, с. 525.

[v] Дневник, т. 2, с. 640.

[vi] Дневник, т. 2, с. 817.

[vii] Дневник, т. 2, с. 670.

[viii] Наука и здоровье, с. 571.

Из фондов НМБТ